

ШЛЕМЫ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ВОИНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ИЗ ЧАСТНЫХ СОБРАНИЙ

Настоящая работа посвящена публикации группы шлемов, найденных в ходе нелегальных раскопок в западной части Северного Предкавказья и осевших в частных коллекциях. Подавляющая часть этой группы хранится в частном собрании в г.Оффенбах в Германии, хозяин которого любезно ознакомил с ними автора и дал разрешение на публикацию. Остальные предметы стали известны автору в процессе консультаций. К счастью, хозяева предметов хотя бы знают, в каких регионах добыты их сокровища, что далеко не всегда можно сказать об артефактах, полученных подобным путем. Думается, что данная группа шлемов благодаря своему объему и разнообразию весьма представительна и поможет лучше осветить проблематику развития защитного вооружения на юге Восточной Европы.

Для нас очень важен регион, где были сделаны находки рассматриваемых предметов. Дело в том, что средневековое оборонительное вооружение, раскопанное в Прикубанье, реже в Пятигорье, находят в погребениях, как правило, двух периодов – VIII – I-й пол.XI в. и XIII-XV вв., то есть “хазарского” и “золотоордынского”. Раннесредневековые шлемы мы здесь не рассматриваем. Что касается периода 2-й пол.XI – нач.XIII в. – “половецкого”, то в этот период отмечается отсутствие шлемов в погребениях Северо-Западного и Центрального Предкавказья. Погребения с ними – вне зависимости от этнической принадлежности погребенного, – как правило, датируются, начиная с времени монгольского нашествия, то есть со 2-й пол.30 гг XIII в. (Горелик М.В., 2008), хотя в отдельных случаях монгольские шлемы могли оседать в местной среде с сер.20 гг XIII в. в связи с монгольскими военными акциями как на Кавказе, так и в северо-западном Иране. Следовательно, и рассматриваемые шлемы мы с достаточной долей уверенности можем заведомо отнести к золотоордынскому времени, тем более, что в тех случаях, когда нам известен сопроводительный инвентарь, он всегда датируется именно данным временем.

Первым в нашей подборке является шлем из частной коллекции “Фурусийа” (рис.1, 1). Происходит он с Северного Кавказа, западной его части – из Прикубанья. Шлем прекрасной сохран-

ности, отсутствует только наверху. Он выполнен в форме невысокого яйцеобразного купола, из нескольких, соединенных клепкой, сегментов, места стыков между которыми перекрыты выпуклыми узкими вертикальными пластинами-ребрами. Снизу они стянуты нешироким окольшем, сверху – четырехлепестковым подвешиванием. Передняя сторона шлема усилена двойной приклепанной защитой – более широким нижним и более узким наружным сегментами толстого железа, с вырезными вогнутыми линиями-краями с заклепками в выступающих углах между ними. Снизу усиленные пластины перекрывают окольш. По оси от подвешья спускается вертикальное ребро. Внизу оно упирается в горизонтальную налобную пластину вытянуто-подпрямоугольной формы, с фигурно вырезанной сложным трезубцем верхней стороной и остатком наносника на ровном верхнем крае. Перед нами – классический монгольский шлем, хорошо известный как по изобразительным источникам (Gorelik M., 1979, fig.101, 102, 112, 113, 115, 118, 120-122, 136-139; Горелик М.В., 1987, рис.4, 2, 3, 14; 5, 1-3, 5, 13, 14; 6, 3, 7-9, 11-13; 8, 1, 3, 5-7; 10, 1, 14-17, 19), так и по реальным археологическим предметам, найденным на Алтае (Горбунов В.В., 2003, рис.47) (рис.1, 2, 3), в южном Приуралье (Овсянников В.В., 1990, рис.1, 1) (рис.1, 4), в районе Перми (рис.1, 5). Их отличает купол, составленный из сегментов, соединенных клепкой полосами с вырезными краями, и налобная укрепляющая пластина – широкая с вырезным, обычно фигурным трилистником, верхним краем, или более узкая, с ровным верхним краем. Наносник обычно маленький, часто между дуговидных надбровных вырезом. Укрепляющая налобная пластина с вырезным верхним краем и надбровными выкружками может иметь и более крупный, длинный наносник трапециевидной формы, с более широким нижним краем, вырезанным тупым углом, и укреплять купол, выкованный из одного листа стали, свернутого и сваренного (или спаянного) в один вертикальный шов спереди, и без перекрывающей накладной полосы. Таким является шлем из кургана у м.Таганчи (рис.6, 2). Укрепляющая пластина перекрывает здесь стышков (Gawrysiak-Leszczynska W., Musianowicz K.,

1991, Т. II, 1). Помимо налобной с вырезным верхним краем пластины, таганчинский шлем имеет такие яркие монгольские признаки как навершие в виде тонкого длинного шпилья и увенчивающее его расширение с отверстием, в котором крепится кольцо (от него осталась лишь малая часть), к кольцу привязывается лента, свисающая двумя концами (Горелик М.В., 2002, с.69, 6, 8, 9; с.76, 1, 47, 49). Пластина с верхним вырезным краем могла вообще не иметь наносника, как мы видим это на монгольском шлеме XIII – 1-й пол.XIV в. из Таразской (бывш. Джамбульской) области в южном Казахстане (Горелик М.В., 2002, с.75, 11). Недавно Л.А.Бобров в своей крайне интересной и полезной статье (Бобров Л.А., 2007) предложил считать мощную налобную укрепляющую пластину чжурчжэньским вкладом в монгольское оружейное дело. Но сам он не находит образцов ранее XII в. (Бобров Л.А., 2007, рис.1, 1-4). Вместе с тем, подобная деталь шлемов известна в Евразии еще с сер.I тыс. н.э. (Горелик М.В., 1993, рис.7, 21, 23). А в IX-X вв. она была достаточно популярна в Восточном Туркестане (Горелик М.В., 1993, рис.7, 15; 1995, табл.54, 27, 29), причем уже в IX в. ее верхняя сторона приобретает вырезное трехзубое завершение (Горелик М.В., 1995, табл.54, 29). Так что, надо полагать, рассмотренная деталь монгольского шлема имеет вовсе не чжурчжэньское происхождение, а восточнотуркестанское, конкретно – уйгурское. От уйгуров ее идею могли позаимствовать и чжурчжэни, в XII в. владевшие северным Китаем и граничившие с Восточным Туркестаном. Наше утверждение представляется более реальным еще и потому, что монгольская налобная пластина очень близка по форме и размерам уйгурской, тогда как чжурчжэньская налобная деталь шлема весьма специфична: она гораздо крупнее уйгурской и монгольской, имеет форму очень широкого прямоугольника, и на ней обычно вычеканены косо поставленные узкие чечевицеобразные выпуклины – “глаза” (Бобров Л.А., 2007, рис.2, 1-4).

Таким образом, монгольская налобная пластина прямо восходит к уйгурской, тогда как чжурчжэньская восходит к ней опосредованно (может быть, через татар, граничивших в XII в. и с уйгурами – на западе своих кочевий, и с чжурчжэнями – на востоке), воспроизводя только идею, но не конкретную форму.

Первый шлем из представительной коллекции семи железных шлемов, найденных в Прикубанье и относящихся к золотоордынской эпохе (хранятся в частном собрании в г.Оффенбах, Германия) (рис.1, б), имеет яйцевидную форму купола, склепанного из четырех сегментов, перекрытых поверх стыков вертикальными неширокими

полосами металла. Снизу он имеет неширокий околыш из полосы металла, сверху – навершие, вырезанное из одной пластины, свернутой и прокованной так, что образуются подвершие в виде сильно уплощенного конуса и полая короткая трубочка для плюмажа. Данный шлем очень близок кыргызскому шлему из рудника Абаза у г.Абакан в Хакасии (рис.1, 7). Отличается он только количеством деталей тульи – их не 8, а 12. То, что хакасский шлем был найден вместе с крупными панцирными пластинами, крепившимися к исподу основы, и лежал вместе с ними под чугунным котлом монгольского типа XIII-XIV вв., твердо датирует комплекс XIII-XIV вв. (Сунчугашев Я.И., 1979, с.133, табл.XVII) и включает его в состав оружейного комплекса империи чингизидов, к его кыргызской составляющей. То же мы можем сказать и о происхождении рассматриваемого шлема из коллекции в Оффенбахе.

Крайне близок по форме кыргызскому шлему из Оффенбаха прекрасно сохранившийся железный шлем (рис.2, 1), найденный в Пятигорье вместе с набором пластин ламellarной брони (рис.2, 2) и саблей. Сабля (рис.2, 4) представляет собой классический образец черкесского оружейного дела XIV в. Об этой дате свидетельствует форма клинка, длинного, с внушительным изгибом и небольшой елманью, которая обычно предшествует резкому сужению конца клина и приобретению им штыковидной формы. К сожалению, конец обломан, и подтвердить наличия штыка, который даже породил уже в XV в. термин “черкесский клинок”, с уверенностью трудно. Таушировки серебром на клинке и навершии, имеющем форму низкого граненого стаканчика, снабженного подвижным кольцом для темляка на заклепке, – все это также характерно для черкесских сабель XIV в. Уникальна пара обойм ножен, отлитых из ажурной узорной бронзы с типично сельджукскими драконами, это говорит о том, что их изготовили в Анатолии в 1-й пол. XIV в. (либо они являются крымским подражанием 2-й пол.XIV в.). Тулья шлема, в отличие от рассмотренных выше образцов, выкована из одного куска металла. Снизу приварен и приклепан довольно широкий околыш, сверху – навершие из свернутого листа, образующее конусообразное завершение купола с длинной трубочкой для плюмажа. Трубочка плюмажа имеет характерный монгольский признак – она оттянута назад (Горелик М.В., 1987, с.189). Не менее яркий золотоордынский признак – обработку края полосы железа мелкими насечками зубилом (Горелик М.В., 2003, с.232) – мы видим на верхнем крае околыща. Но самой интересной деталью рассматриваемого шлема является козырек. Вообще, козырек – характернейшая деталь именно монгольских шлемов XIII-XIV вв.

Рис. 1*. Центральные-азиатские типы шлемов: 1 – монгольский шлем XIII в., Прикубанье, coll. "Фурусийа"; 2 – монгольский шлем XIII в., с. Шадрино, Алтай; 3 – монгольский шлем XIII в. с р. Мульта, Алтай; 4 – монгольский шлем XIII в., из кургана 3 мог. Озерновский-III, Челябинская обл.; 5 – монгольский шлем XIII-XIV вв., Пермский краеведческий музей; 6 – кыргызский шлем XIII в., Прикубанье, частн. собр., Оффенбах; 7 – кыргызский шлем XIII-XIV вв. из клада у г.Абазы, Хакасия (с элементами реконструкции).

Fig. 1. Central Asian types of helmets: 1 – the Mongolian helmet of the 13th century, the Kuban reaches, "Furusiyia" collection; 2 – the Mongolian helmet of the 13th century, Shadino village, Altai; 3 – the Mongolian helmet of the 13th century from the Multa river, Altai; 4 – the Mongolian helmet of the 13th century from barrow 3 of the Ozernovskiy-III burial ground, the Chelyabinsk region; 5 – the Mongolian helmet of the 13th-14th centuries, the Perm museum of local history; 6 – the Kirghiz helmet of the 13th century, the Kuban reaches, private collection, Offenbach; 7 – the Kirghiz helmet of the 13th-14th centuries from a hoard near Abaz town, Khakassia (with elements of reconstruction)

* За качество рисунков редакция ответственности не несет.

(Горелик М.В., 1987, с.189), но козырек шлема из Пятигорья очень оригинален и редок. Он весьма крупных размеров, имеет форму сегмента, приклепан верхним ровным краем тремя заклепками – по краям и в центре – к нижнему краю околыша. Нижний край козырька имеет полукруглую форму. Козырек слегка выпуклый, полукруглый край его чуть отогнут наружу. Он прикреплен к околышу под очень маленьким углом. Такой козырек, впервые встреченный нами на реальном предмете эпохи развитого средневековья, имеет точные аналогии: он изображен – крайне редко – только на двух миниатюрах, иллюстрирующих “Шах-намэ” Фирдоуси, созданных в Тебризе около 1370 г и хранящихся в составе муракка (альбомов-коллекций книжной миниатюры и каллиграфии), захваченных османским султаном Мехмедом II у известного любителя и собирателя искусств Узун-Хасана, последнего султана государства Ак Койунлу, и хранящихся в библиотеке дворца-музея Топкапу в Стамбуле (Gorelik M., 1979, ill.47, Fig.176). Таким образом, мы имеем достаточно надежную дату изготовления рассматриваемого шлема – 3-я четв. XIV в., что вполне корреспондирует с датой найденной в том же комплексе сабли. Козырек шлема из Пятигорья имеет весьма условные, прочеканенные довольно тонкой линией изображения носа в виде вертикальной полосы и двух бровей в виде линий с двойным изгибом. Подобный мотив, выполненный гораздо грубее, мы видим на лобной части широкого околыша шлема, найденного в Ясеново, район г.Стара Загора в Болгарии, который был нами определен как золотоордынский по конструкции и мелко насеченным краям железных полос, перекрывавших сегменты тульи (Горелик М.В., 2003, с.232, рис.1, 3). Касаясь самого изобразительного мотива – условного изображения черт лица – на лобной части шлема, можно полагать, что он на обоих экземплярах – из Пятигорья и района Старой Загоры – является реминисценцией вычеканенных “глаз” на налобных пластинах чжурчжэньских шлемов нач. XIII в. (Артемьева Н.Г., 1999, рис.1). Важность находки шлема с таким козырьком, вертикальным и высоким, заставляющим носить шлем откинутым на затылок, еще и в том, что перед нами – прямой прообраз редкого типа козырьков-налобников, известных нам по корейским шлемам XVI-XIX вв. (Robinson H.R., 1967, Pl XXIII, C; Fig.85, D). Что касается бармицы пятигорского шлема, то найденных с ним ламеллярных пластин вполне достаточно для, как минимум, двух рядов. Для крепления бармицы по нижнему краю околыша пробит ряд частых небольших отверстий. Ламеллярные бармицы, вообще характерные для монгольских шлемов, изображены, наряду с кольчужными, и

на шлемах с вертикальными козырьками на одной из указанных выше тебризских миниатюр 70-х гг XIV в. из Топкапу (Gorelik M., 1979, ill.47).

Следующий шлем из нашей подборки (рис.3, 1) – найденный в Прикубанье роскошный шлем с остатками позолоты, с высокой тульей яйцевидной формы, увенчанный низеньким шпешком, раскованным наверху в колечко. В него должно было вставляться другое, подвижное и большего диаметра, чтобы привязывать ленту, свисающую двумя концами. Как мы отмечали выше, это характерное монгольское завершение шлема. В целом рассматриваемый экземпляр относится к солидной серии шлемов (см., например, Горелик М.В., 2002, с.77, 1, 3-5, 7) с тульей яйцевидной, чуть приостренной к макушке формы, разной высоты, но всегда имеющим спереди защиту лица в виде скульптурного, объемного наносника, довольно реалистически передающего длинный горбатый нос. Нос сверху переходит в сомкнутые дуговидные “брови”. Обычно “брови с носом” выковывались из одного куска и приклепывались к нижнему краю неглубокого выреза спереди. Шлемы этой серии могут иметь и несколько более развитую защиту лица: в этом случае “нос” получал не только “брови”, но и целую полумаску с отверстиями для глаз, обведенными рельефным кантом. Во всех разновидностях шлемы серии имели кольчужную бармицу, полностью закрывающую все лицо, кроме глаз. Интересно, что шлемы данной серии достаточно реалистично изображены на миниатюрах рукописи “Шах-намэ”, нарисованных в Тебризе около 1330 г, из бывшего собрания Демотта (Горелик М.В., 2002, с.77, 12, 13). Но здесь, как и в других случаях, изображение на миниатюрах можно считать фиксацией уже достаточно давно появившихся реалий, так что сами вещи моложе своих изображений на несколько десятилетий. Рассматриваемый шлем входит в более узкую группу описанной серии, отличающуюся рифленным куполом. Эти аналоги – шлем с полумаской из с.Никольское в Орловской губернии (рис.3, 2) и шлем из кочевнического кургана у с.Моску в Восточной Румынии (рис.3, 3). У рассматриваемого экземпляра в конструкции имеются определенные отличия от аналогов. Если снаружи тульи шлемов из Никольского и Моску выглядят цельными, то на рассматриваемом экземпляре на сохранившемся правом боку можно различить накладную вертикальную полосу с выпуклыми кантами (что маскирует полосу на рифленой выпуклыми вертикалями поверхности тульи), усеянную рядом заклепок. Другим важным отличием является декор налобной части. Той же выпуклой линией на ней вычеканена заостренная арка, внутри которой той же линией прочеканены крутые “брови” – все это рассечено по оси верти-

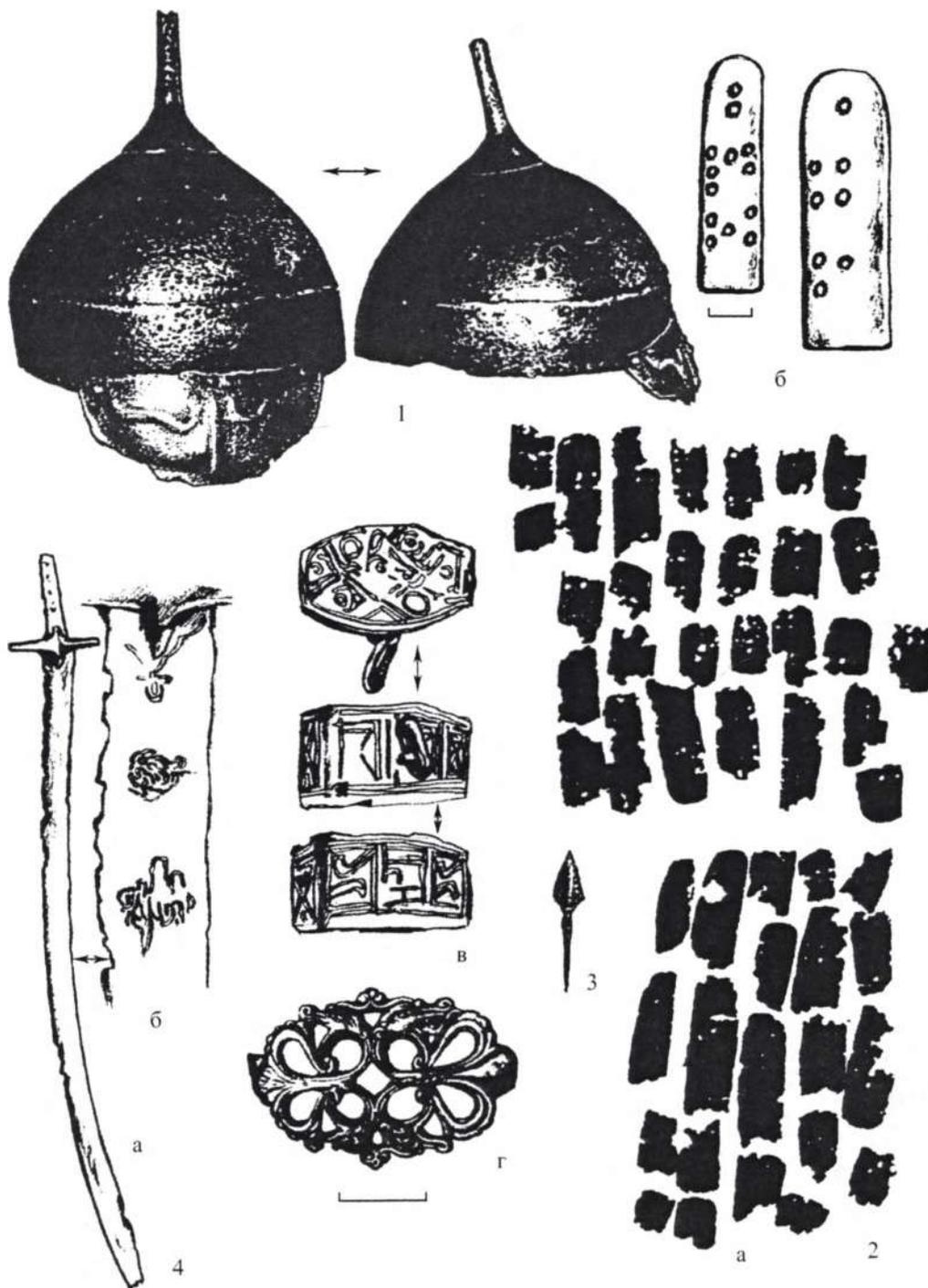

Рис. 2. Комплекс XIV в. из района Пятигорья, частное собрание: 1 – монгольский шлем; 2 – монгольские железные пластины ламеллярной брони бармицы или панциря: а – общий вид, б – пластины двух типов (реконструкция); 3 – железный трехлопастной наконечник стрелы; 4 – черкесская сабля: а – общий вид; б – таушировка серебром на клинке; в – железное навершие с таушировкой серебром; г – бронзовая литая обойма ножен (2 экз.).

Fig. 2. The complex of the 14th century from Piatigorye region, private collection: 1 – the Mongolian helmet; 2 – the Mongolian iron plates of lamellar armour of the aventail or coat of plates: a – a general view, б – plates of two types (reconstruction); 3 – an iron trilobate arrowhead; 4 – the Circassian sabre: а – a general view; б – a silver tautsch on the blade; в – an iron pommel with a silver tautsch; г – a bronze moulded holder of a scabbard (2 copies)

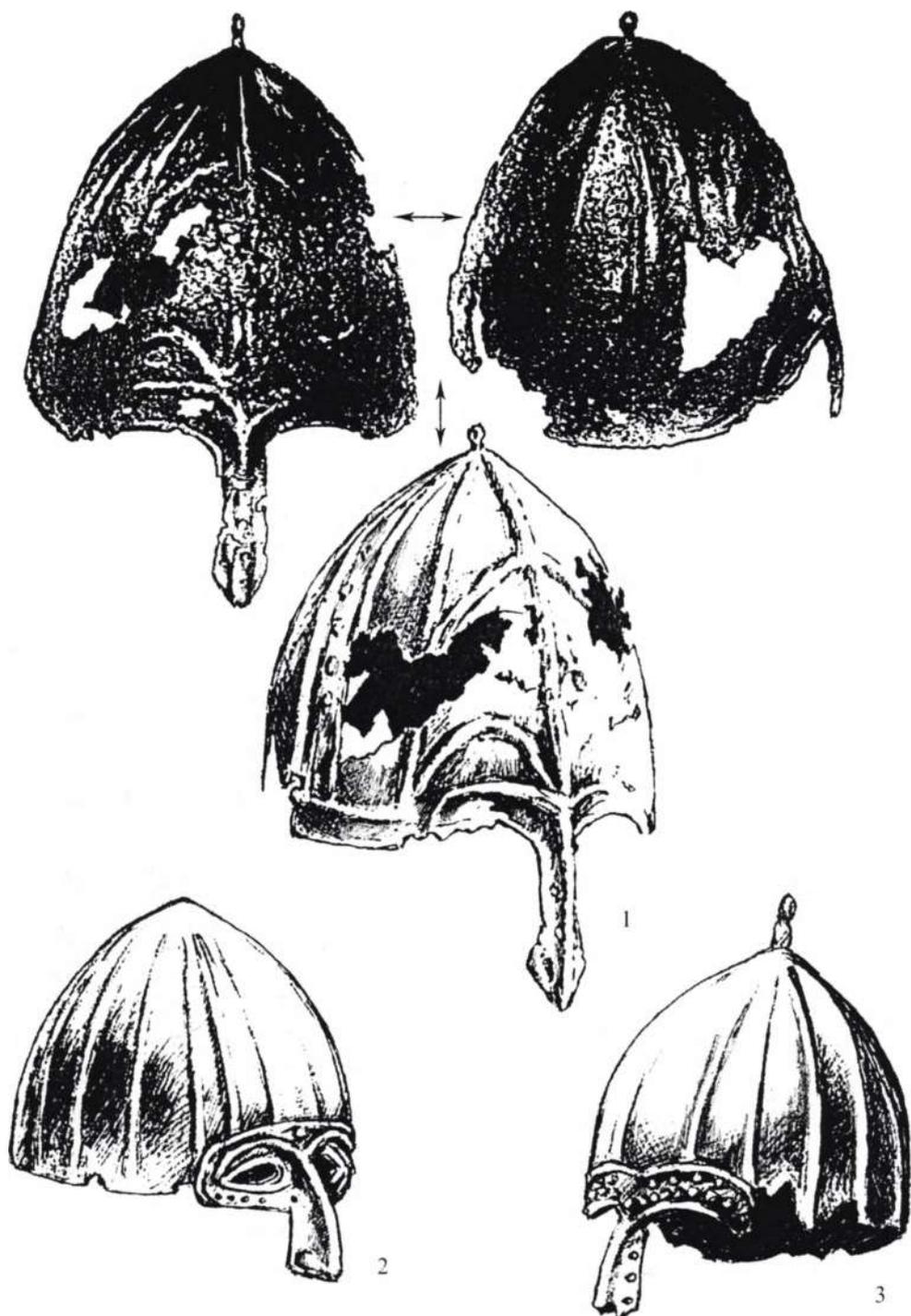

Рис. 3. Шлемы с защитой лица в виде рельефных носа и бровей: 1 – железный шлем с остатками позолоты, Прикубанье, сер. XIII – нач. XIV в.; 2 – золоченый шлем, найденный у с. Никольское Орловской губ., сер. XIII – нач. XIV в., ГЭ; 3 – золоченый шлем из кургана у с. Моску, район Тыргу Бужор, Восточная Румыния, сер. XIII – нач. XIV в.

Fig. 3. Face protection helmets in the form of protruding nose and eyebrows: 1 – an iron helmet with remains of gilding, the Kuban reaches, the mid 13th – the early 14th century; 2 – a gilded helmet found near Nikolskoie village of Oriol province, the mid 13th – the early 14th century, the State Hermitage; 3 – a gilded helmet from a barrow near Mosku village, Tyrgu Buzhor region, Eastern Romania, the mid 13th – the early 14th century

кальной линией от макушки до “бровей – носа”. Что касается налобного украшения шлема в виде арочной накладки, то оно встречается в течение продолжительного отрезка времени на широком пространстве, но всегда очень редко; похоже, оно отличало военачальников высокого ранга. Самые ранние изображения этой детали мы встречаем в восточно-туркестанской живописи – настенной VIII в. и книжной миниатюрной IX в. (Горелик М.В., 1995, табл.54, 20, 25). Наиболее ранний реальный шлем с подобным украшением – венгерский шлем рубежа IX-X вв. из Немии (Закарпатье) (Кирпичников А.Н., 1971, табл.IX). Следующий по времени памятник – шлем из Лыкова (Владимирская обл.), хранящийся в Оружейной Палате Московского Кремля (Кирпичников А.Н., 1971, табл.XVII, 1). Он, вероятно, справедливо считается русским изделием рубежа XII-XIII вв., изготовленным изначально для князя Владимирского Ярослава Всеволодовича. А.Н.Кирпичников верно предположил, что полумаска была изготовлена позднее и приклепана к нижнему краю шлема, перекрывая ступни ног у изображения архангела Михаила (Кирпичников А.Н., 1971, с.30). Нами было высказано предположение, что полумаска в качестве новомодной, принесенной монголами детали, была изготовлена и приделана к старому шлему около сер.XIII в., когда шлем перешел в руки сыну Ярослава – великому князю Владимирскому Андрею, а Андрей в 1252 г бросил шлем и кольчугу у Лыкова во время бегства после трагического столкновения с карательным войском Неврюя (Горелик М.В., 2002, с.77). Еще одна накладка, медная, с изображением св.Прокোпа, выполненным русским мастером, была найдена при грабительских раскопках кочевнического кургана у Ногайска в Таврической губ. (Кирпичников А.Н., 1971, с.3-31). Как видим, все арочные налобные украшения представляют собой накладки из драгоценного (серебро) и цветного (медь) металлов. Только в шлеме из Прикубанья накладка не сделана, а изображена. Такая деталь, как вычеканенные круглые “брови”, прямо связывает данный шлем с рассмотренным выше шлемом из Пятигорья. Так что его можно считать практически современным шлемом из Пятигорья, то есть датировать 2-й третью – 3-й четв.XIV в. и, весьма вероятно, их оба считать местными по изготовлению, что подтверждается упоминанием в рукописях “Задонщины”, литературного памятника кон.XIV – нач.XV в., посвященного Куликовской битве, “шеломов черкасских” (т.е. черкесских), причем именно на русских князьях (Горелик М.В., 1983, с.266). Изготовление шлемов подобного типа на Северном Кавказе в золотоордынское время может подтверждаться и находкой шлема с тульей в виде

приостренного яйца с объемным наносником, выкованным вместе с “бровями” в погр.№ 1 Келлийского могильника в горной Ингушетии (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1994, рис.2, 1).

Следующий шлем в нашей подборке – найденные в Прикубанье остатки шлема с железным забралом-личиной (рис.4, 1). Шлем имел цилиндро-коническую форму, коническая тулья разделена клиновидными гранями-ложбинами, округлыми снизу, так что верхний край околыша имеет вид короны. Внутри одной из сохранившихся ложбин вычеканена выпуклая округлая мишень. Спереди шлем имеет неглубокий налобный вырез, над которым подвижно крепилось забрало. Забрало-личина вычеканена из железа в виде мужского лица с длинным горбатым носом, соединенными изогнутыми бровями, длинными чечевичеобразными вырезами глаз в выпуклых узких глазницах, высокими скулами, длинными, загнутыми вверх усами и пухлой нижней губой. На лбу – часть шарнира, которым забрало крепилось к шлему, крепежная петля имеет форму двузубца с заклепками в концах зубцов. Это не первая находка подобного забрала (со шлемом) в Прикубанье. Наш замечательный археолог, поистине великий исследователь луков, трагически пропавший А.И.Семенов рассказал автору о находке им в Прикубанье комплекса с именно таким защитным оружием; к несчастью, у археолога в момент раскрытия шлема с забралом-личиной не было с собой фотоаппарата, а за те минуты, пока он за ним бежал, разразилась сильная гроза, практически моментально разрушившая находку. Данный образец, как и рассмотренный выше, также входит в серию предметов, раскопанных в степях юга Восточной Европы. Исключение составляет забрало-личина из Мшецке Жехровице в Чехии (рис.4, 4). Опубликовавший случайную находку Р.Плейнер предположил ее кельтское происхождение (Pleiner R., 1975, p.234), видимо, имея в виду закрученные вверх усы личины, характерные для кельтских изображений мужчин. Однако это несомненно боевое забрало, известное по находкам аналогий в степях Восточной Европы (рис.4). В Чехию такой предмет мог попасть в результате монгольского нашествия 1241 года. Шлем с личиной из Прикубанья находит практически полные аналогии в подобных же предметах защитного вооружения, давно раскопанных в Поросье – в кург.53 у с.Ковали (рис.4, 2) и в кургане у с.Липовец (Липовцы) (рис.4, 3). Различаются они только тем, что на личине из Ковалей показана “борода”. Того же типа забрало, правда, с утраченными носом и ртом, было найдено в складском здании древнего Херсона (Херсонеса) (Пятьшева А.В., 1964, табл.1). В том же помещении были найдены части кольчуги и сере-

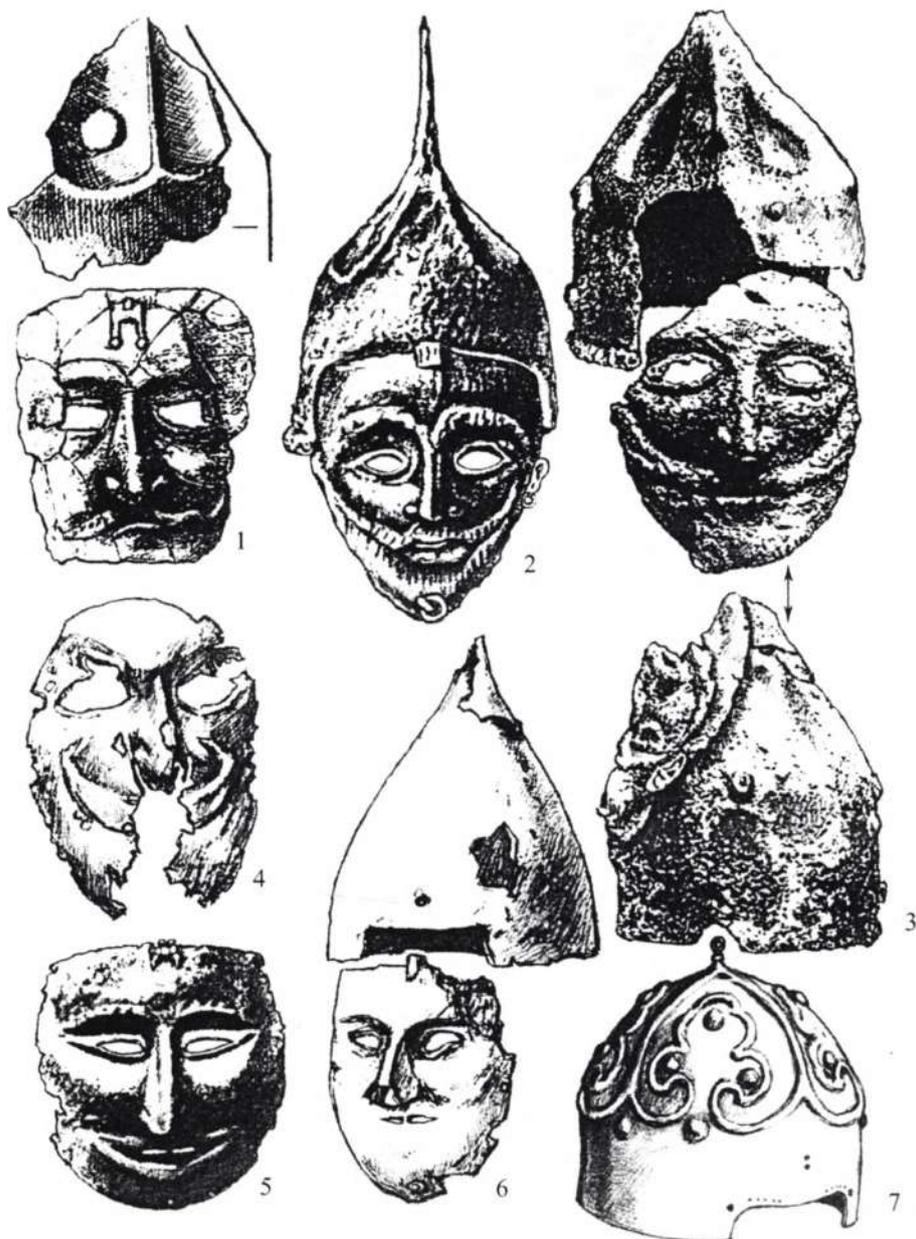

Рис. 4. Шлемы с забралом-личиной: 1 – железное забрало-личина и остатки шлема, Прикубанье, сер. XIII – нач. XIV в., частное собрание; 2 – шлем с забралом-личиной из кургана 53 у с. Ковали, Поросье, сер. XIII – нач. XIV в.; 3 – шлем с забралом-личиной из кургана у с. Липовец (Липовцы), Поросье, сер. XIII – нач. XIV в., ГЭ; 4 – железное забрало-личина из Мшецке Жехровице, Чехия, сер. XIII в.; 5 – железное, со следами позолоты забрало-личина из кургана у с. Ротмистровка, Поросье, сер. XIII – нач. XIV в., КГИМ; 6 – шлем с забралом-личиной из погребения у с. Куїбышево на юге Донецкой обл., сер. XIII – нач. XIV в.; 7 – шлем от комплекта с забралом-личиной, Прикубанье, частное собрание.

Fig. 4. Helmets with a visor-mask: 1 – an iron visor-mask and remains of a helmet, Kuban reaches, the mid 13th – the early 14th century, a private collection; 2 – a helmet with a visor-mask from barrow 53 near Kovali village, the Ros reaches, the mid 13th – the early 14th century; 3 – a helmet with a visor-mask from a barrow near Lipovets (Lipovtsy) village, the Ros reaches, the mid 13th – the early 14th century, the State Hermitage; 4 – an iron visor-mask from Mshetske Zhekhrovitse, Czechia, the mid 13th century; 5 – an iron visor-mask with traces of gilding from a barrow near Rotmistrovka village, the Ros reaches, the mid 13th – the early 14th century, the State Historical Museum, Kiev; 6 – a helmet with a visor-mask from a burial near Kuibyshevo village in the south of Donetsk province, the mid 13th – the early 14th century; 7 – a helmet of a set with a visor-mask, the Kuban reaches, a private collection

бряные деньги – гривны, которые Н.В.Пятьшьева определила как “новгородско-литовские” рубежа XIII-XIV вв. (Пятьшьева А.В., 1964, с.7). Отдельно забрало-личина с остатками позолоты на поверхности была найдена в кургане у с.Ротмистровка в Поросье (рис.4, 5). Она более широкая, скулы выше и выпуклее, глазницы выпуклее и вместе с глазными вырезами длиннее и уже, так что лицо производит впечатление некоторой монголоидности. Вместо тщательно прочеканенных усов и нижней губы эта часть передана весьма обобщенно – подтреугольной выпуклостью, в которой выбита узкая впадина с двумя узкими щелями у рта. Последняя находка – комплекс вооружения у с.Куйбышево Донецкой обл., включивший шлем с забралом-личиной (рис.4, 6).

Шлемам с забралами-личинами посвящена достаточно обширная литература и продолжительная неутрачивающая дискуссия. Здесь не место анализировать историографию вопроса. Рассмотрим сами предметы. Шлем из Прикубанья, шлемы из Ковалей и Липовца, а также забрало из Херсонеса близки между собой настолько (а наличие бронзовых подвижных “ушей”, переданных очень натурально, объединяет личины из Ковалей, Липовца и Херсонеса), что можно предположить их изготовление в одной мастерской (либо их мастер или мастера старательно копировали один и тот же оригинал, представленный одним из этих шлемов). Иконография личин восходит к древнему центральноазиатскому сакскому идеальному образу мужа-воина, продолжавшему жить много столетий спустя в древнетюркское время (Горелик М.В., 1984, с.79-80). К ним близка (об идентичности трудно судить ввиду неважной ее сохранности и отсутствия реставрации) личина из Куйбышево (вариант с “бородой”). Личина из Чехии (вариант с “бородой”) близка иконографически, но явно сделана другой рукой: она более пластична в передаче черт лица, усы отличаются по форме, а рот был явно выкован отдельно и приклепан. Наконец, личина из Ротмистровки изготовлена мастером менее искусным, хотя и знакомым с образцами, рассмотренными выше. Зато на его лбу находится двузубая пластинка крепления шарнира, совершенно аналогичная таковой на шлеме-личине из Прикубанья. Что касается их датировки, то в этом могут помочь изображения и безусых, и усатых забрал-личин на иранских миниатюрах 2-й трети XIV в. (Горелик М.В., 2003, с.78, верх, 6, 7). Технично-художественной идентичности личин из Прикубанья, Ковалей и Липовца соответствует и крайняя близость их наголовий, что еще более убеждает нас в едином для всех трех экземпляров месте и времени изготовления. Характерно, что сохранившееся, хотя и без самой верхушки, навершие на

шлеме из Ковалей имеет вид высокого конического шпиля, переходящего в тонкую ровную палочку, что является монгольским признаком (Горелик М.В., 1987, с.189). В то же время признаками того, что шлем с забралом из Куйбышево сделан в другой мастерской, являются не только легкие стилистические отличия в личине, но и, главное, совсем иная форма наголовья – сфероконическая. К группе шлемов с забралом-личиной справедливо отнести наголовье из Прикубанья (рис.4, 7), которое нам уже доводилось публиковать (Горелик М.В., 2002, с.78, верх, 1). В пользу этого говорит такое яркое сочетание признаков, как неглубокий вырез спереди и система крупных отверстий для крепления забрала над вырезом в середине и у его углов. Форму наголовья можно охарактеризовать как цилиндро-сферическую. Она как бы находится между формой яйцеобразных рифленых шлемов с “носом-бровями” (рис.3) и цилиндро-конической, с разделкой тульи, шлемов с забралом-личиной (рис.4, 1-3). Особенность рассматриваемого шлема в том, что разделка его яйцеобразной тульи чеканными выпуклыми линиями создает не просто рифленую поверхность, но и образует узор из типичных для монгольского искусства фигурных трилистников. И круглые выпуклости, которые мы наблюдаем на шлемах из Прикубанья, Ковалей и Липовца (рис.4, 1-3), входят в данное наголовье в систему узора. Что касается аналогов наголовью из Прикубанья, то цилиндро-сферическая форма с разделкой тульи богато представлена на иранской миниатюре XIV в. (Горелик М.В., 1987, рис.4, 7, 9, 16; 2002, с.76, 28, 50, 52, 58, 60). Но еще более яркие аналоги шлему с трилистниками из Прикубанья находятся среди музейных экземпляров. К ним мы отнесем шлемы из Топкапу и из Оружейной Палаты Московского Кремля (т.н. “мисюрку князя Голицына”) (Горелик М.В., 1987, рис.11, 10, 12). Мы датировали их по изображениям на миниатюрах Демоттовского “Шах-намэ” 2 четв.XIV в., приписав работе иранских оружейников (Горелик М.В., 1987, с.192). Еще более существенна аналогия, представленная шлемом, на цилиндрическом околыше которого мы встречаем имя заказчика – мамелюкского султана ибн Калауна (1293-1341 гг) (Raemdonck M., 2003, p.34-36, Fig.23, 24), где не только форма, но и дата точно корреспондируют со шлемами из Топкапу и Оружейной палаты. Э.Е.Кравченко, опубликовавший комплекс из Куйбышево, утверждает, что “из семи известных в настоящее время масок (Ротмистровка, Ковали, Липовец, Городище, Серенск, Херсон, Калка) пять найдено на русских землях” (Кравченко Э.Е., 2003, с.128). На самом деле на русских землях известны только две личины – из Серенска и Городища. Но они и совершенно отличны от рассмотренных

нами выше, так как их иконография отражает совершенно иной тип лица – цветущего юноши-европеоида. Причем работа мастера городищенской маски исключительно высокого качества и явно воспроизводит легко узнаваемую иконографию грозного лика архангела (архистратига Михаила), тогда как серенская личина – довольно грубая работа кузнеца, но никак не художника. Остальные 8 личин (включая погибший экземпляр из раскопок А.И.Семенова и отсутствующую – у шлема с трилистниками), 6 из которых известны, с совершенной иной, но схожей и даже идентичной иконографией, обнаружены на золотоордынских землях (3 – в Поросье, 3 – в Прикубанье, 1 – из Чехии – на территории монгольских походов). Так что все рассмотренные шлемы с забралами-личинами из степной зоны юга Восточной Европы мы можем отнести к работе золотоордынских оружейников от 2-й пол. XIII в. до 3-й четв. XIV в.

Следующими в нашей подборке рассмотрим два шлема цилиндрико-конической формы (рис. 5, 1, 4), найденные в Прикубанье и хранящиеся в частной коллекции в Оффенбахе. Их объединяет не только схожесть общей формы, но и наличие надлобного выреза спереди. Различия состоят в том, что первый шлем (рис. 5, 1) имеет гладкую поверхность, чуть вогнутую коническую тулью, сравнительно широкий кант, возможно, изображающий “брови” по краю довольно глубокого трапециевидного выреза со скругленными углами; шлем увенчан довольно высоким шпеньком, который явно служил основанием для утраченного тонкого и высокого шпиля. У второго шлема (рис. 5, 4) цилиндрический околыш ниже, надлобный вырез также ниже, коническая тулья разделана гранями, частично опускающимися на околыш; навершие утрачено. Оба шлема из Оффенбаха имеют очень близкие аналоги в экземплярах, также хранящихся в частных коллекциях, но найденных на территории Руси – в г. Городец-на-Волге (рис. 5, 2) и г. Торжок (рис. 5, 3). Забавно, что по общей форме первый цилиндрико-конический шлем из Оффенбаха почти точно повторяет шлем из Городца, а второй – шлем из Торжка. В связи с тем, что они явно корреспондируют с наголовьями шлемов с забралами-личинами, логично было бы датировать их этим же временем, то есть 1-й пол. – 3-й четв. XIV века. Правда, только на шлеме из Торжка можно предположить в центре над лбом наличие отверстия для крепления забрала. Шлем из Оффенбаха с “бровями” недостаточно хорошо расчищен, чтобы признаки крепления забрала были явственно видны. На шлеме из Городца также ничего не видно, но судим мы о нем по достаточно лаконичному рисунку К.А. Жукова (Жуков К.А., 2005, рис. 7, 1).

Цилиндро-конические шлемы впервые фиксируются изображенными в венгерской и кабарской торевишке IX в. (Горелик М.В., 1995, рис. 7, 19, 24), потом в сирийской керамике XII в., а более – в сирийско-египетской торевишке сер. XIII – 1-й трети XIV в. (Gorelik M., 1979, Fig. 2, 4, 167). Последний период для культуры мамелюкского государства характеризуется теснейшими связями с Улусом Чжучи, в том числе и массивным заимствованием монгольских элементов из всех областей искусства и ремесла – и форм, и декора (Gorelik M., 2000, p. 148). Тем более, что султанат Мамелюков и Улус Чжучи связаны были потоком рабов, становившихся мамелюками, и потоком политических и культурных эмигрантов, направленным в одну сторону – с юга Восточной Европы в Египет – Сирию. Но нам известна серия цилиндрико-конических шлемов в Прусской Балтии (Горелик М.В., 2003, с. 233-235, рис. 2, б, 7), как с вырезом над лбом, так и без него (рис. 5, 5). Учитывая наши изыскания по этому поводу, а также новые находки, можно полагать, что цилиндрико-конические шлемы, родившиеся на Ближнем Востоке, были включены оружейниками западных улусов империи Чингизидов в свой репертуар не позднее сер. XIII в., откуда в кон. XIII в. они попали на Русь, в Пруссию, а также в восточные улусы. Везде – от Ирана до Пруссии и Маньчжурии – они породили схожие местные формы; в XV-XVI вв. они получили самое широкое распространение на территории от Ирана до Маньчжурии и Тибета и бытовали в Южной Сибири, Монголии, Цинском Китае и Тибете до XVIII – нач. XX в.

В частной коллекции в Оффенбахе хранится и найденный в Прикубанье шлем сфероконической формы (рис. 6, 1). Шлем в прекрасном состоянии, только отсутствует навершие. Для крепления бармицы и подкладки вдоль ровного нижнего края пробиты мелкие отверстия. Данная форма шлема имеет очень широкие пространственный и временной ареалы бытования. Однако его происхождение указывает, скорее всего, на черкесские захоронения XIII-XV веков. Тем более, что он не одинок в плане формы в памятниках золотордынского Прикубанья (рис. 6, 5). Да и курганы золотордынского Поросья, датируемые 2-й пол. XIII – 1-й пол. XIV в., также дали находки шлемов сфероконических очертаний (рис. 6, 2-4). Не менее часто они встречаются среди золотордынских памятников, пограничных с Прикубаньем с востока, территорий Чечни и Ингушетии (Чаккиев Д.Ю., Нарожный Е.И., 1990, рис. 4, 9, 10, 14).

В Оффенбахской частной коллекции хранится и найденный в Прикубанье шлем полусферической формы, составленный из четырех секторов (рис. 7, 1). Его атрибуция и датировка предельно ясны. Перед нами типичный черкесский шлем 2-й пол.

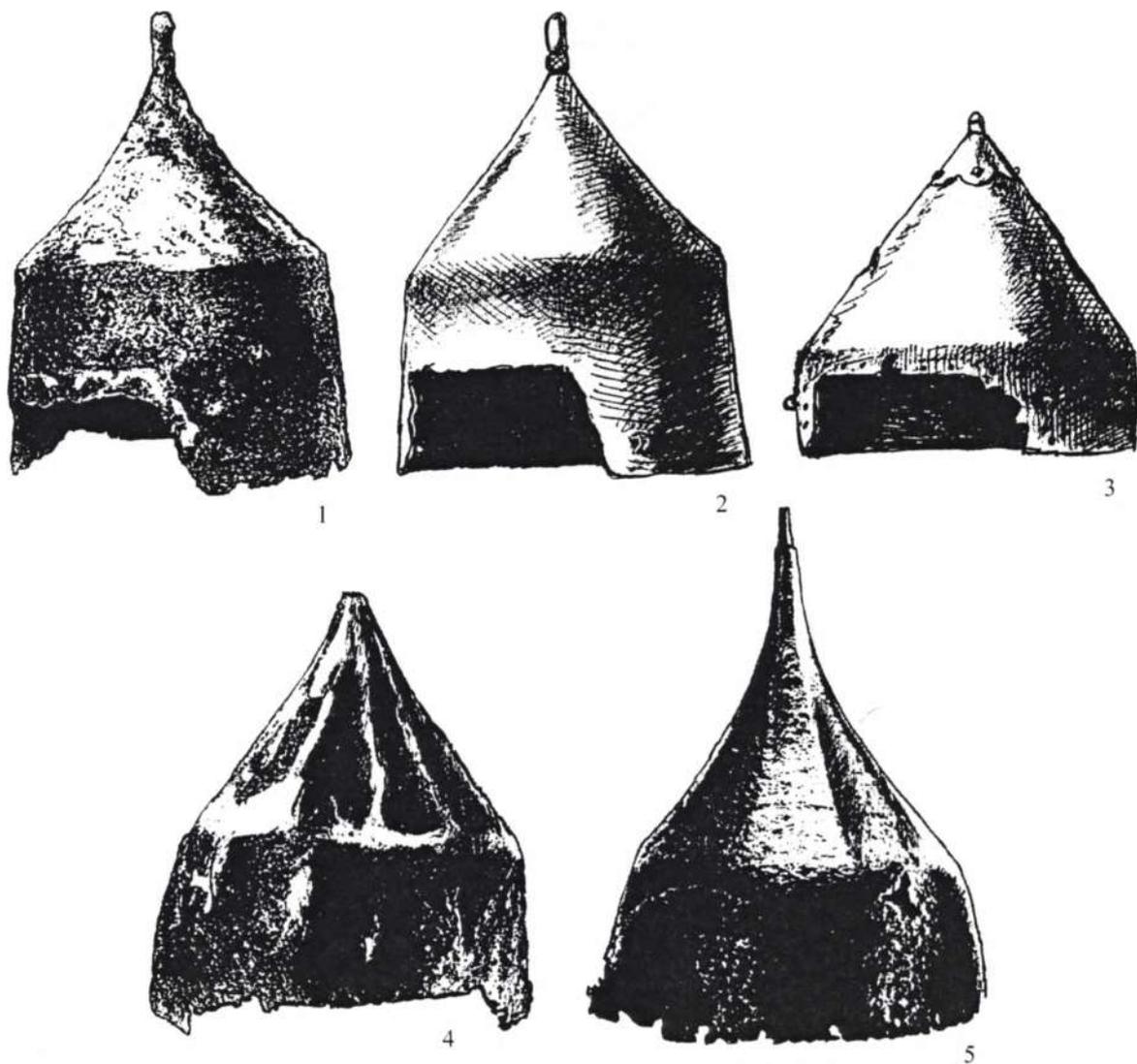

Рис. 5. Цилиндроконические шлемы с лицевым вырезом: 1, 4 – шлемы из Прикубанья, 2-я пол. XIII – XIV в. частное собрание, Оффенбах; 2 – шлем из района Городца-на-Волге, XIV в., частное собрание; 3 – шлем из района Торжска, XIV в., частное собрание; 5 – шлем XIV в. из Выструча на Преголе, Пруссия. Музей немецкой истории, Берлин (по: Muller H., Kunter F., 1971; Nowakowski A., 1994).

Fig. 5. Cylinder-conic helmets with a facial cut: 1, 4 – helmets from the Kuban reaches, the 2nd half of the 13th – the 14th c., a private collection, Offenbach; 2 – a helmet from the Gorodets-upon-Volga region, the 14th c., a private collection; 3 – a helmet from the Torzhok region, the 14th c., private collection; 5 – a helmet of the 14th c. from Vystruch upon Pregol, Prussia, Museum of German history, Berlin (by: Muller H., Kunter F., 1971; Nowakowski A., 1994)

XIII – нач. XV в. Они бывают нескольких разновидностей: полусферические, яйцевидные округлые, яйцевидные приостренные и сферические с чуть намеченным конусом. Всех их объединяет именно конструкция – изготовление тульи из четырех секторов при отсутствии околыша и наверхия. Обычно у них отсутствуют и отверстия вдоль нижнего края. Это говорит о том, что подшлемник приклеивался, а не пришивался, а также о том, что вместо

бармицы шею защищал кольчужный капюшон (подобные изделия раскопаны в Прикубанье в погребениях 2-й пол. XIII – 1-й пол. XIV в.) (Блохин В.Г. и др., 2003, с.189, рис.7, 3), поддетый под шлем, либо шея не защищалась вовсе. Такие шлемы в большом количестве находили и находят при раскопках черкесских курганов Прикубанья. Автору известно не менее двух десятков подобных изделий. Некоторые из них опубликованы (см., напри-

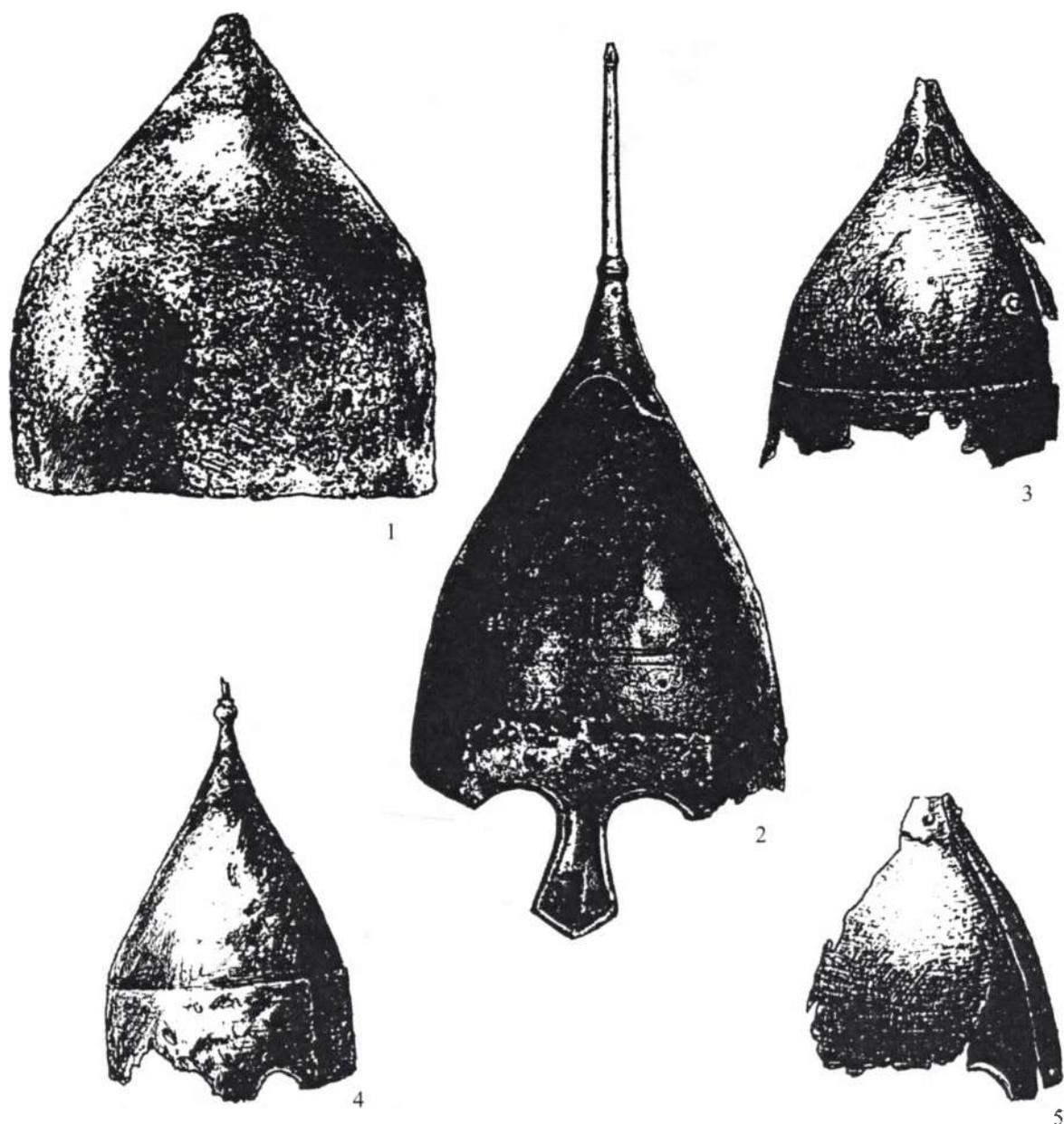

Рис. 6. Сфероконические шлемы: 1 – шлем из Прикубанья, XIII-XIV вв., частное собрание, Оффенбах; 2 – монгольский шлем из погребения в урочище Королевино рядом с местечком Таганча в Поросье, сер. XIII в., Государственный археологический музей, Варшава; 3 – шлем из кургана у с. Мировка, Поросье, 2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в., исторический музей, Киев; 4 – шлем из кургана у с. Бурты, Поросье, 2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в., ВИМАИВиВС, СПб; 5 – шлем из кургана у с. Праздничное, Прикубанье, 2-я пол. XIII – XIV в., ГИМ, Москва.

Fig. 6. Sphere-conic helmets: 1 – a helmet from the Kuban reaches, the 13th-14th cc., a private collection, Offenbach; 2 – a Mongolian helmet from a burial of the Korolevino natural landmark near Tagancha town at the Ros reaches, the mid 13th c., the State Archaeological Museum, Warsaw; 3 – a helmet from a barrow near Mirovka village, the Ros reaches, the 2nd half of the 13th – the 1st half of the 14th c., the Historical Museum, Kiev; 4 – a helmet from a barrow near Burty village, the Ros reaches, the 2nd half of the 13th – the 1st half of the 14th c., the Military-Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps, S.-Petersburg; 5 – a helmet from a barrow near Prazdnichnoie village, the Kuban reaches, the 2nd half of the 13th – 14th c., the State Historical Museum, Moscow

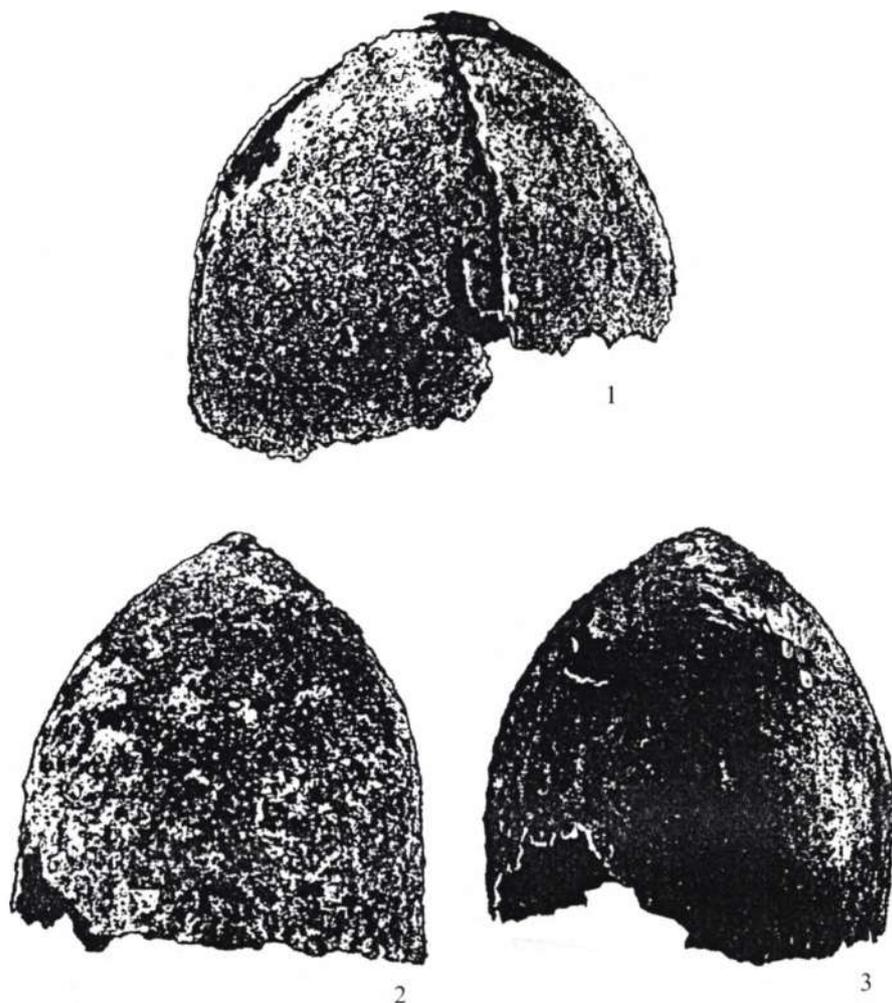

Рис. 7. Шлемы черкесского типа и яйцевидной формы: 1-3 – шлемы из Прикубанья, XIV в., частное собрание, Оффенбах (1 – черкесский шлем).

Fig. 7. Helmets of the Circassian type and egg-shaped helmets: 1-3 – helmets from the Kuban reaches, the 14th c., a private collection, Offenbach (1 – a Circassian helmet)

мер, Схатум Р.Б., 2005, рис.2, 3). Последние образцы из частной коллекции в Оффенбахе представляют собой два найденных в Прикубанье шлема высокой яйцевидной, чуть приостренной формы, изготовлены из одного листа металла (рис.7, 2, 3). Они практически идентичны, только у одного из них нижний край чуть отогнут наружу, у другого диаметр нижнего края чуть меньше диаметра средней части тульи, так что она кажется немного раздутой в этом месте. У одного из шлемов (рис.7, 3) можно было бы предположить неглубокий округлый лицевой вырез, но неровные края могут с меньшей убедительностью свидетельствовать просто о поломке. Шлемы подобной формы были широко распространены в XIV-XV вв. на Ближнем Востоке, но также, и особенно, в южных ре-

гионах Центральной Европы – на Балканах, в Италии. При наличии налобного выреза такой шлем относится к типу *басцинет* – самой популярной форме шлема в Европе со 2-й трети XIV в. и весь XV век. Шлемы подобной формы в Восточной Европе практически не известны. Отдаленным прототипом может выступить киданьский шлем X-XI вв., раскопанный в Монголии (Горелик М.В., 2002, с.52, 2), и шлемы, изображенные на восточноанатолийских(?) миниатюрах 2-й четверти XIII в. к рукописи поэмы Аййуки “Варка и Гульшах”, хранящиеся в Библиотеке Топкапу (Nicolle D.C., 1988, No.334, y, af, ao). Иногда шлемы, близкие данной форме, можно увидеть на ширазских миниатюрах 30 гг XIV в. (Горелик М.В., 2002, с.76, 47, 48; Nicolle D.C., 1988, No.396, j, o, u, v, x, ac) и

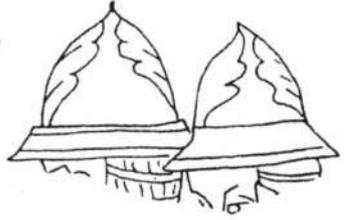
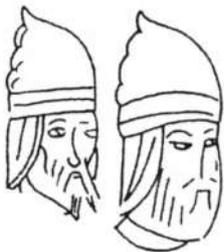
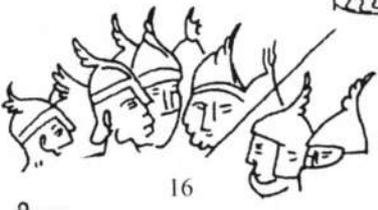
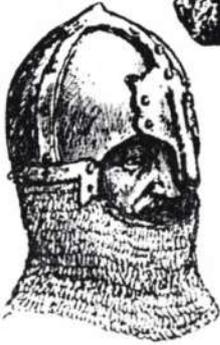
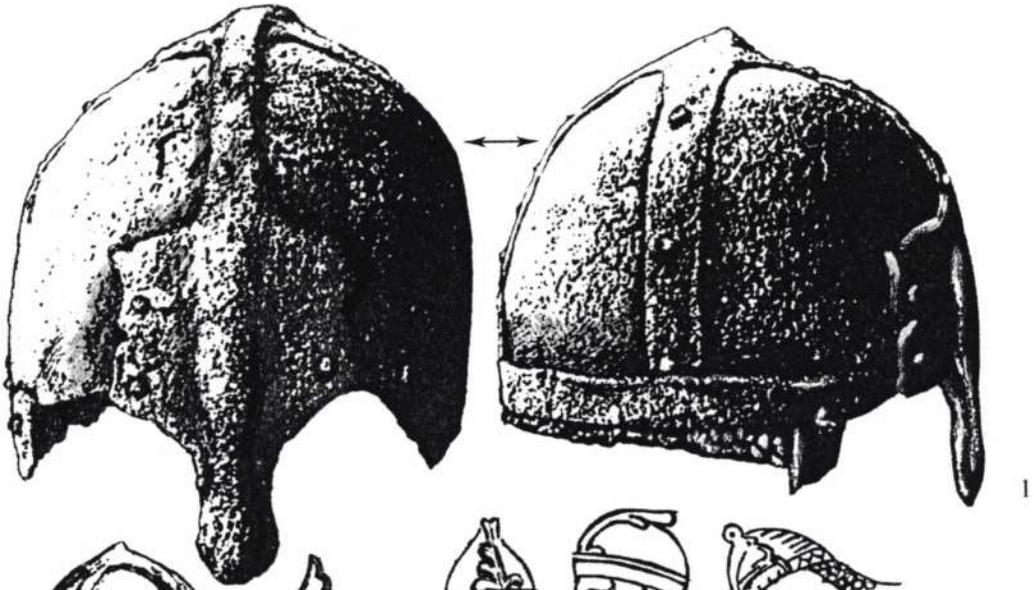

Рис. 8. Шлем византийской традиции из Прикубанья и его аналоги: 1 – шлем из Прикубанья, 1-я пол. XIII – XIV в., частное собрание; 1а – реконструкция шлема 1; 2 – деталь византийской мозаики собора Сан Марко, Венеция, XIII в.; 3, 11 – миниатюры “Хроники” Иоанна Скилицы, византийская рукопись XIII в. Нац. Библиотека, Мадрид; 4 – деталь фрески в церкви св.Деметрия в Фессалониках, нач.XIV в.; 5 – детали фресок церкви в Сафара, Грузия, кон.XIII – нач.XIV в.; 6 – миниатюры рукописи “История Александра”, Византия, 1-я пол.XIV в., Библиотека Сан Джорджо ди Греки, Венеция; 7 – миниатюры рукописи нач.XIV в., Византия. Национальная Библиотека, Париж; 8 – миниатюра “Хроники Манассии”, Болгария, 1344-1345 гг, Библиотека Ватикана; 9 – деталь фрески церкви Святых апостолов в патриархии, Печ, Косово, около 1300 г; 10 – деталь фрески монастыря Дечани, Косово, 1338-1350 гг; 12 – миниатюра “Хроники” Георгия Амартола, Тверь, 1300 г, Архив РАН, Москва; 13 – буква М рукописи Новгородской псалтыри, XIV в., НПБ, СПб; 14 – миниатюры “Хроники Альфонса X”, Кастилия, кон.XIII в., Библиотека Эскуриала; 15 – миниатюры рукописи сирийского христианского Евангелия, Мосул (?), Северный Ирак, 1216-1220 гг, Британская Библиотека, Лондон; 16 – миниатюра “Радостного свитка” из Монте Кассино, Италия, 1075 г, Британская Библиотека, Лондон; 17 – миниатюра “Венгерской иллюстрированной хроники”, Венгрия, 1360 г, Национальная Библиотека им. Сеченьи, Будапешт; 18 – миниатюра “Книги коронаций испанских королей”, Кастилия, нач.XIV в., Библиотека Эскуриала (2-4 – по: Heath I., 1995; 5 – по: Хуцишвили Г.Я., 1988; 10 – по: Babuin A., 2002; 6-9, 12, 14-18 – по: Nicolle D.C., 1988).

Fig. 8. A helmet in the Byzantine tradition from the Kuban reaches and its analogues: 1 – a helmet from the Kuban reaches, the 1st half of the 13th – 14th c., a private collection; 1a – the reconstruction of the helmet 1; 2 – a detail of the Byzantine mosaic of San Marco Cathedral, Venice, the 13th c.; 3, 11 – miniatures from the Chronicle of John Skylitzes, the Byzantine manuscript of the 13th c., Biblioteca Nacional de España, Madrid; 4 – a detail of a fresco in St. Demetrios church in Thessaloniki, the early 14th c.; 5 – details of frescos in the Church of Safara, Georgia, the end of the 13th – the early 14th c.; 6 – miniatures of “The Alexander Romance”, Byzantium, the 1st half of the 14th c., San Giorgio dei Greci library, Venice; 7 – the miniatures of the early 14th c. manuscript, Byzantium. National library, Paris; 8 – the miniature from the “Chronicle of Konstantin Manassia”, Bulgaria, 1344-1345, the Vatican library; 9 – a detail of a fresco of St. Apostles Church in a patriarchy, Pech, Kosovo, ca. 1300; 10 – a detail of a fresco of Dechani monastery, Kosovo, 1338-1350; 12 – a miniature from the “Chronicle” by George Hamartolus, Tver, 1300, the Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow; 13 – the M bloomer of the Novgorod Psalter manuscript, the 14th c., the National public library, St.-Petersburg; 14 – miniatures from the “Chronicle of Alfonso X”, Castile, the end of the 13th c., the Escorial library; 15 – miniatures of the manuscript of the Syrian Christian Gospel, Mosul (?), Northern Iraq, 1216-1220, the British Library, London; 16 – the miniature from the “Joyful scroll” from Monte Cassino, Italy, 1075, the British Library, London; 17 – the miniature of the Hungarian “Illustrated Chronicle”, Hungary, 1360, the National Széchényi Library, Budapest; 18 – a miniature from the “Book of Crowning of the Spanish Kings”, Castile, the early 14th c., the Escorial library (2-4 – by: Heath I., 1995; 5 – by: Хуцишвили Г.Я., 1988; 10 – by: Babuin A., 2002; 6-9, 12, 14-18 – by: Nicolle D.C., 1988)

на тебризских миниатюрах 2-й трети XIV в. (Горелик М.В., 2002, с.76, 47, 48). В Северокавказском регионе среди находок, датируемых XIII-XIV вв., есть только один близкий по форме тульи шлем, найденный в Чечено-Ингушетии (Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И., 1990, с.129, 12). Но в отличие от рассматриваемых образцов шлем из Чечено-Ингушетии увенчан типично монгольским шпилем, очень высоким, тонким, с расплюснутым концом с отверстием для подвижного колечка. Так что по поводу двух шлемов из Оффенбаха можно предположить их северокавказское золотоордынское происхождение и дату 1-й пол. – сер.XIV в.

Наконец, последний шлем из нашей подборки, найденный в Прикубанье, представляет собой уникальный предмет, чьи более или менее близкие аналоги хорошо известны по достаточно многочисленным изображениям, но, кажется,

впервые обнаружен “живьем”. Шлем (рис.8, 1, 1а) представляет собой полусферическую каску с округлыми надбровными вырезами. На макушке – очень низкое коническое навершие, наклоненное вперед. От него вниз опускаются четыре приклепанные полосы металла, сзади и с боков ограниченные околышем той же ширины, что и полосы; концы околыша – на висках. Передняя полоса на лбу переходит в крупную листовидную пластину с вырезными краями, соединенную с куполом четырьмя крупными заклепками. По оси пластины, продолжая полосу, идет широкая выпуклая линия, переходящая в массивный выпуклый, округлый снизу, наносник. Бармица шлема сохранилась полностью, и вся помещена внутри него. Но, поскольку она не расправлена, точный покрой установить невозможно. Можно лишь с определенной долей уверенности предполагать, что она

была закрытой, то есть защищала затылок, шею и горло (рис.8, 1а). Круг изобразительных аналогий, как мы говорили выше, очень широк. Они появляются на византийско-итальянских миниатюрах кон. XI в. (рис.8, 1б) и в предмонгольское время встречаются на восточно-христианских сирийских (то есть выполненных в современном Северном Ираке) миниатюрах 1-й четв. XIII в. (рис.8, 15). В XIII в. мы встречаем листовидную налобную пластину на византийских италийских изображениях (рис.8, 2, 3), грузинских и сербских фресках рубежа XIII-XIV вв. (рис.8, 5, 9), русских и испанских миниатюрах того же времени (рис.8, 12, 14). XIV в. был временем самого широкого распространения аналогий нашего шлема – от Руси до Венгрии, Болгарии, Сербии, Македонии и Испании (рис.8, 4-8, 10, 13, 17, 18). Любопытно, что “живые”, притом самые роскошные образцы листовидных налобных пластин украшают каски *барбюты* венецианских гвардейцев, причем сами каски откованы в Милане около 1470 г, а их налобные пластины чеканились в Венеции вплоть до XIX в. (Rossi F., Сагредна N., 1969, р.41-44, ill. No.77, 78, 84). Источником и “хранителем” иконографии, как и самого рассматриваемого типа шлема, был регион, тяготеющий к византийскому культурному центру. Для территории Прикубанья это могли быть Крым, Балканы, Нижнее Подунавье, Центральное и Западное Закавказье, а также итальянские колонии Северо-Восточного При-

черноморья. Так что рассматриваемый шлем мог быть произведен в любом из вышепоименованных регионов в кон. XIII – XIV в., ввезен на территорию золотоордынского Прикубанья (либо просто изготовлен там в одной из генуэзских колоний) и использован одним из, вероятнее всего, черкесских латников Золотой Орды.

Подводя итог нашему исследованию, можно сделать вывод о том, что рассмотренные образцы, относящиеся к известным ранее типам, *все* датируются временем существования Золотой Орды (2-я пол. XIII – XIV в.). В основном они принадлежат к разновидностям, связанным с центрально-азиатской оружейной традицией, принесенной в Европу монгольским завоеванием. Практически все они (не исключая даже последнего из рассмотренных экземпляров) вполне могли быть произведены в ее пределах, а также в мастерских соседнего Ирана при монгольских династиях Хулагуидов, Инджуидов и при Тимуре). Значительная часть могла быть произведена непосредственно на территории Западного и Центрального Кавказа. И монголо-татарские, и половецкие, и кипчакские, и черкесские, и аланские, и вайнахские воины Золотой Орды, как мы видим, пользовались самым широким выбором разнотипных шлемов, который им предоставлялся благодаря как расположению на путях и в центрах широко развитой международной торговли, так и близости центров высоко развитого оружейного мастерства.

Литература и архивные материалы

- Артемьева Н.Г., 1999. Предметы защитного вооружения с Красноярского городища// Вестник ДВО РАН. № 5. Владивосток.
- Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С., 2003. Средневековые рыцари Кубани// Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып.3. Краснодар.
- Бобров Л.А., 2007. Шлемы “цзиньского” типа: конструктивные особенности и вопросы эволюции// История и культура Улуса Джучи 2006. Казань.
- Виногадов В.Б., Нарожный Е.И., 1994. Погребения Келийского могильника (Горная Ингушетия)// Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар.
- Горбунов В.В., 2003. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч.1. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул.
- Горелик М.В., 1983. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV вв.// Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.
- Горелик М.В., 1984. О средневековых восточных шлемах с масками и одной центрально-азиатской изобразительной традиции. Информационный бюллетень международной ассоциации по изучению Центральной Азии. Вып.7. М.
- Горелик М.В., 1987. Ранний монгольский доспех (X – I половина XIV в.)// Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск.
- Горелик М.В., 1993. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тысячелетии н.э.// Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

- Горелик М.В., 1995. Вооружение народов Восточного Туркестана// Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.
- Горелик М.В., 2002. Армии монголо-татар X-XIV вв. М.
- Горелик М.В., 2003. Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского военного дела// Степи Европы в эпоху Средневековья. Т.3. Половецко-золотоордынское время. Донецк.
- Горелик М.В., 2008. Золотоордынские латники Прикубанья// МИАСК. Вып.9. Армавир.
- Жуков К.А., 2005. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII-XV вв.// Куликово Поле и Юго-Восточная Русь в XII-XIV вв. Тула.
- Кирпичников А.Н., 1971. Древнерусское оружие. Выпуск третий. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв.// САИ. Е1-36. Л.
- Кравченко Э.Е., 2003. Погребение знатного воина XIII в. на реке Калке// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Половецко-золотоордынское время. Донецк.
- Овсянников В.В., 1990. К вопросу о защитном вооружении поздних кочевников Южного Урала// Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Пятышева А.В., 1964. Железная маска из Херсонеса. М.
- Сунчугашев Я.И., 1979. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск.
- Схатум Р.Б., 2005. Шлемы из Убинского могильника// Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып.5. Краснодар.
- Хуцишвили Г.Я., 1988. Стенная роспись Сафары (на грузин. яз.). Тбилиси.
- Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И., 1990. Погребение знатного горского воина начала XV века из селения Верхний алкун (Чечено-Ингушетия)// Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Babuin A., 2002. Later Byzantine Arms and Armour// A Companion to Medieval Arms and Armour. Ed. by D. Nicolle. Woodbridge.
- Gawrysiak-Leszczynska W., Musianowicz K., 1991. Kurhan z Tahanczy. Waszawa (на правах рукописи).
- Gorelik M., 1979. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art// Islamic Arms and Armour. London.
- Gorelik M.V., 2000. Cultural and Artistic Relations between the Mongol-Tatars and Mamluks// Islamic Art Resources in Central Asia and eastern and Central Europe. Amman.
- Heath I., 1995. Byzantine Armies 1118-1461 AD. London.
- Muller H., Kunter F., 1971. Europäische Helme aus der Sammlung des Museums für Deutsche Geschichte. Berlin.
- Nicolle D.C., 1988. Arms and Armour of the Crusading Era 1050-1350. New York.
- Nowakowski A., 1994. Arms and Armour in the medieval Teutonic Orders state in Prussia. Lodz.
- Pleiner R., 1975. Rediscovering the Techniques of early European Blacksmiths. Archaeology. Vol.16. No.4. Amsterdam.
- van Raemdonck M., 2003. Art de l'Islam dans des collectiones belges. Bruxelles.
- Robinson H.R., 1967. Oriental Armour. London.
- Rossi F., Carpegna N.di., 1969. Armi antiche dal Museo civico L.Marzoli. Milano.

Summary

M.V.Gorelik (Moscow, Russia)

HELMETS OF GOLDEN HORDE SOLDIERS OF NORTHERN CAUCASUS FROM PRIVATE COLLECTIONS

The paper considers a group of helmets from private collections found in the Kuban region and Piatigorye. They are of various types, many of which are known from excavations in other regions. There is a long debate underway as to their dating and cultural association. The significance of the samples lies in the fact that they were found in the Kuban region and came from burials left by the Circassians dating back to the 14th to the early 15th century, or with the Polovtsy dating back from the mid 13th to the 1st third of the 14th century. Thus, all the helmets considered in the paper are connected with the Golden Horde troops. Most of them can be assigned to the armor craftsmanship of the Golden Horde, and some items more precisely to products of the Circassian armorers. Only one of the helmets is a unique object, well-known in illustrations, and connected with the Southern European tradition of the Byzantine type of the 13th to 14th centuries.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2008 г